ВЕДУНЬЯ

ТОТ, КТО ПОМНИТ

Книга первая



Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

Ведунья. Тот, кто помнит. Книга первая

https://litres.ru/74880253
SelfPub; 2026

Аннотация

В детстве Ирина поняла: мысль имеет вес. Захотела, чтобы сестры не было — и сестры не стало.

Бабушка не стала ругать. Она открыла ей главное правило их рода: вода всегда забирает долг. И платят по нему памятью — столько, сколько нужно, чтобы никто не был забыт.

Тридцать лет Ирина платила. А потом вода пришла за её сыном.

Здесь колодец — это дверь. Соль на пороге — счёт. Лестовка с узлами — замок. Пока горит лампа и пахнет полынью, дом держится. Но этой зимой соль на пороге чернеет, а вода под полом учится бить в такт чужому сердцу.

Тот, кто помнит, — держит. Ирина помнит всех. Осталось узнать: кого она держит?

Содержание

Пролог. Та, что открыла дверь. 5
Глава 1. Море пришло к дому раньше темноты. 9
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Ирина Бодякшина Ведунья. Тот, кто помнит. Книга первая

Название: Ведунья. Книга первая. Тот, кто помнит.
Автор(-ы): Ирина Бодякшина
Ссылка: https://author.today/work/672441

Пролог. Та, что открыла дверь.

Вода всегда забирает долг. Я заплатила сестрой. И вода не отпустила.

Мне было пять, когда я поняла, что мысль имеет вес. Мы сидели на краю сруба. Лизе шёл третий год, она вцепилась в деревянную лошадку.

«Моё», прошепелявила она и потянулась к уху, отломившемуся ещё в прошлом году. «Не твоё. Бабушка вырезала мне».

Я дёрнула. Дерево треснуло. Лиза завизжала, высоко, на той ноте, от которой у матери лопались сосуды в глазах.

Я ненавидела этот звук. Ненавидела её мокрые губы и то, как она забирала весь воздух вокруг. Я захотела, чтобы она исчезла. Чтобы мама вышла, обняла меня и сказала, какая я хорошая девочка. Чтобы Лиза не визжала, не забирала воздух, не была. Чтобы её просто не было.

Я зажмурилась, до красных кругов, и захотела всем телом, всей собой. «Исчезни», подумала я. И толкнула. Не руками, не телом. Мыслью. Как будто мысль могла толкать. Как будто мысль имела вес.

Лиза замолчала. Звук оборвался, словно перерезали струну. Я открыла глаза. Она стояла на краю, там, где только что была пустота. Посмотрела на свои босые ноги. Сделала шаг. Прямо.

Глухой, мокрый всплеск раздался не снаружи. Он раздался у меня в черепе. Тишина. Густая, пахнущая мокрым железом и прелой листвой.

Бабушка вытащила меня одну. Её лицо было белым, как известь. Она перекинула меня через край сруба, моё тело было чужим, тяжёлым. А потом она посмотрела вниз. Не закричала. Села на край, свесила ноги туда, где только что стояла моя сестра. Её сухие ладони пахли дымом и рыбьей чешуёй. Она прижала мою голову к юбке, пахнущей хозяйственным мылом и полынью, и начала раскачиваться.

Она шептала: «Тише, Иришка. Тише, голубка. Спи».

Я не спала. Я смотрела на её руки, сухие, в трещинах, с чёрными ногтями. Они держали меня крепко, как держат то, что боятся потерять. И я поняла, что она молчит. Просто молчит, качается, шепчет и держит меня. А там, внизу, в чёрной воде, осталась Лиза. Моя сестра. Которая больше не забирала воздух, не визжала, не была.

Бабушка не сказала ни слова. Ни тогда, ни потом. Она внесла меня в дом, уложила на печь, укрыла тулупом и села рядом. Смотрела на огонь. Молчала. Всю ночь.

А утром пришла вода. Не в колодец, в дом. Тонкой чёрной плёнкой из-под пола. Бабушка увидела, побледнела, взяла меня за руку и сказала:

«Слушай, Иришка. Слушай и запоминай. Вода всегда забирает долг. Она взяла Лизу. Теперь она придёт за нами. Пока не отдадим. Пока не заплатим. Пока не вернём».

«Что вернём?» спросила я. Голос был чужим, будто не мой.

«То, что взяли». Бабушка посмотрела на меня долго, тяжело. «Ты взяла сестру. Я взяла тебя. Вода взяла Лизу. Долг растёт, пока не закроем. Пока не заплатим. Пока не вернём».

«Как?»

«Памятью». Она сжала мою руку сильнее. «Пока помним. Пока не забыли. Пока не стёрли. Пока не захотели, чтобы кто-то исчез».

Она повторяла это снова и снова, как заклинание, как приговор. И я слушала. И запоминала. И не спала всю ночь: смотрела на огонь, на бабушкины руки, на свои. Маленькие, детские руки, которые только что захотели. Которые не знали, что с этим делать. Как с этим жить, спать, дышать.

А вода шла из-под пола. Чёрная, густая, пахла тиной и чем-то ещё, чем-то старым, что было до нас. До дома, до бабушки, до меня. Она шла медленно, ровно, не думая, не считая. Просто шла. Просто брала.

Я смотрела на воду и думала: «Я запомню. Лизу, лошадку, ухо, крик, всплеск, бабушкины руки, её шёпот. Всё запомню. Пока не заплачу. Пока не закрою дверь».

Я не знала тогда, что это растянется на тридцать лет. Что я буду возвращаться в этот дом, к этой воде, к этой ночи снова и снова. Пока не вспомню, не назову, не отпущу.

Но я запомнила. Всё. С пяти лет, с той ночи, с той Лизы. Запомнила я, запомнила вода, запомнил род. Пока горит

лампа. Пока в доме пахнет полынью.

Через тридцать лет вода пришла снова. За сыном.

Глава 1. Море пришло к дому раньше темноты.

Вода пришла в дом за три дня до того, как Ирина поняла, что это не вода.Сначала был дым. Не из печи, печь не топилась, он шёл из подпола и не висел в воздухе, а лежал, как туман, как мокрая шерсть, как старая тряпка. Ирина вдохнула и закашлялась: не от горечи, от узнавания. Этот запах она знала всю жизнь. Так пахло, когда бабка топила печь сырыми дровами. Так пахло, когда в доме умирали. Дым не шёл в трубу, он не хотел уходить. Он хотел остаться, в доме, в ней. Пах он не берёзой и не смолой, а чем-то старым, что горело давно и не сгорело. Ирина перебрала причины: труба, подпол, верховая вода, которую нагнал западный ветер. Отбросила все три. Осталось четвёртое, и его она не произнесла даже про себя.Звук под полом не гудел и не капал, он чавкал: мокро, тяжело, в такт. Ш-ш-шух, пауза, ш-ш-шух, пауза. В этих паузах Ирина слышала только своё сердце, а оно заходилось быстрее, чем ворочалась вода. Раз, два, три, чавк. Кто-то внизу подстраивал своё дыхание под её выдохи. Или она под его.Ирина натянула носки, бабкины, из грубой колючей шерсти, крашенной ольхой. Они сползали на пальцы, но грели не ступни, а память. В кармане ватника лежал бабкин платок: белый ситчик, красная вышивка по

краю, крестики. Ткань была застирана до серости и не пахла порошком. Она пахла печным устьем, печёной репой и горькой полынью, которой бабка пересыпала сундуки. Ирина вынула платок и сжала его в кулаке.Нож лежал на столе. Ирина взяла его не думая: руки вспомнили раньше головы, легли не за рукоять, а за обух, как ложились на сухую в трещинах ладонь бабки. «Холодное? спрашивала бабка, щуря слепой глаз. Значит, чистое». Ирина провела подушечкой по лезвию. Лёд, но не металлический: влажный, пронизывающий до кости холод, от которого пахнуло йодом, глубинным чёрным илом и дохлой рыбой. Нож был как будто только что вынут из морского колодца.В доме пахло полынью. Пучок висел над притолокой, серый, пыльный. Бабка говорила, что от сырости, но Ирина знала: не от сырости. Полынь пахла тем, что было до дома, до бабки, до самой Ирины. Она пахла памятью, и сейчас эта память не защищала, а предупреждала.Ирина присела и прижала голую ладонь к половице. Доска не просто стыла, она пила: высасывала тепло из лучевой кости, из плеча, из шеи, медленно и ритмично, как пиявка, как младенец у груди. В этом высасывании Ирина увидела бабкины руки. Не лицо, руки: сухие, в жёлтых пятнах, пахнущие укропом и чешуёй налима. Бабка не мыла этот пол тряпкой, она становилась на колени, набирала воду из ведра в ладони и тёрла дерево кожей. «Пол должен знать руки, говорила она, выжимая воду. Тогда он тебя не выдаст, если беда придёт». Сейчас пол пах иначе, не деревом, а тиной, и

вода шла не по доскам, а из-под них.Ирина опустилась на колени и заглянула в поддувало. На чугунной решётке, в самом жару, сидела кошка: серая, с зеленью в глазах, ни живая и ни мёртвая, а просто есть. От неё тянуло сухим тяжёлым холодом, как из погреба. Лапы не касались чугуна, они входили в него, медленно, как в мокрый песок. Ирина видела, как чёрные подушечки продавливают металл, как решётка подаётся и как из-под лап выступает тёмная густая вода, пахнущая тиной. Кошка смотрела на неё не мигая, и в её горле, в такт чавканью под полом, рождался звук. Одно слово. Выдох.«Поздно».Сажа с печи осыпалась мягко, серым снегом, прямо на плечи, как прах той самой полыни, что бабка вешала над притолокой и что раньше пахла домом, а теперь пахла предупреждением. Ирина не стала её стряхивать: не потому, что боялась, а потому, что знала, сажа это метка, как соль, как память, как вина.Вода ударила в пол прямо под её подошвами. Доски не прогнулись, они содрогнулись, как студень, как живое. С полки сорвалась жестяная кружка, упала плашмя, звякнула о половицу и не разбилась: старые кружки льют на века. Ирина не двинулась, она считала. Раз, два, три, удар. Вода внизу училась бить. Она примеряла ритм её сердца, но била реже и тяжелее, как бы запоминая урок.Ирина выпрямилась, поясницу свело холодом. Она повела плечами, разминая затёкшие кости, и увидела нож. Лежал он не так, как она его оставила: не лезвием к окну, а лезвием к двери. Он развернулся сам, медленно, со скрипом старой

клеёнки о сталь, и оставил на выцветшем поле полированный след. Ирина смотрела на него, боясь моргнуть. В доме повисла такая тишина, что стало слышно, как в каменном подполе ворочается тёмная тяжесть: она не шумела, она дышала. И нож это знал. Лезвием к двери, как палец, прижатый к губам: смотри туда, за порогом.В подполе, в такт чавканью, заворочалось мурлыканье. Не кошачье, глубже и ровнее, как большое каменное горло. Ирина подняла голову: на печи было пусто, но звук шёл из-под неё, из поддувала, оттуда, где бабка всегда оставляла живой уголёк, «чтобы дом знал, что его любят». Ирина снова заглянула вниз. Кошки не было, чугунная решётка остыла, а мурлыканье осталось. Ровное, из-под печи. Ждёт.За окном, в щели между двумя соснами, стояла тень, слишком длинная для ребёнка и слишком тонкая для мужика. Лица Ирина не видела: свет падал из-за её спины и выбивал из тени только чёрный провал. Тень не дышала, она ждала, пока Ирина её заметит, и Ирина почувствовала этот взгляд кожей шеи, как касание ледяного железа. Она сжала платок, и ткань в кулаке стала мокрой: не от воды, от пота. Она не заметила, когда вспотела, не заметила, как встала. Она просто смотрела на чёрное пятно и думала: «Я не виновата. Я просто хочу домой».На крыльце ветер дул с полуночи: не морозный, сырой, тяжёлый, пахнущий гнилью, тиной и чем-то, что было до начала времён. Ирина подставила ладонь, и ветер не прошёл насквозь, а забился в горсть и остался там тяжёлым холодным камнем. Она закрыла глаза и

услышала не голос, а ритм, как будто кто-то бил в огромный обтянутый кожей бубен, медленно и тяжело, как вода под полом, как сердце.Когда она открыла глаза, на самой нижней ступени лежала соль. Четверговая, чёрная, как пережжённая кость: Иван насыпал её ещё в пятницу, от лиха. Ветер с полуночи слизал черноту, и на серых досках остался белесый дымящийся след. Ирина присела и провела по нему пальцем, и палец обожгло. Не холодом, памятью. Вспомнилось, как бабка стояла на этом крыльце, смотрела на север и говорила: «Ветер с полуночи жди беды». Ирина тогда смеялась в кулак: «Баба, какая беда, у нас тихо». Бабка не смеялась: «Тишина это не покой. Тишина это когда беда уже пришла. И ждёт, пока ты её разглядишь». Ирина смотрела на чёрную полосу и думала: «Я разглядела. Поздно, но разглядела».В доме она затопила печь, не от холода: руки сами нашли спички, бересту, поленья, как у бабки, как у матери. Огонь занялся неохотно, шипел, плевался смолой, плакал. Ирина смотрела, как дым не идёт в трубу, а стелется по полу и ползёт по её ногам, щекоча колени ледяным пухом. Бабка говорила: «Если дым в небо, душа чиста. Если в ноги, беда в доме». Ирина присела на корточки и провела ладонью сквозь серый столб. Дым не рассеялся, он обвился вокруг пальцев, как шерстяная нить, как лестовка, как красная верёвка, и, когда Ирина сжала кулак, дым прошёл сквозь плоть, но на ладони осталась чёрная полоса. Сажа. Метка. Память.Она посмотрела на пол, на место, где сидела кошка. Кошки не было, но мур-

лыканье осталось. Ровное, из-под печи. Ждёт.Ирина снова вышла на крыльцо. Соль лежала на досках оплавленная, как шлак. Она взяла щепоть и растёрла её между пальцев: соль была не солёной, а горькой, как полынь, как вина. Тень в щели между соснами не шевелилась, но Ирина знала, что та видит: она чувствовала это лопатками, как касание ледяного железа.Кто-то смотрел.Ирина разжала кулак, и соль просыпалась на ступень чёрной пылью. Мёртвая. Сметать её она не стала, не из страха: сметёшь, не отвяжешься. Соль нужно видеть. Соль это не защита, соль это счёт, и счёт говорил: «Оно здесь».Зазвонил телефон. Ирина дёрнулась так, что лестовка, которую она не помнила, как достала из сундука, соскользнула с колен, и ступени попадали на стол глухо и мягко, как кожаные листья. Она машинально собрала их: пальцы сами нашли нить, нить сама легла в ладонь, и лестовка снова была целой, как будто и не рвалась.Аппарат лежал у печи, экран светился: Артём. Четыре дня тишины после глупой ссоры из-за денег. Он уехал к отцу, она крикнула вслед, чтобы не возвращался, а он бросил, что давно понял: матери у него нет. Теперь звонил.Ирина подняла трубку.«Да?»В ответ был треск, не голос: ветер и далёкий деревянный скрип, похожий на калитку. Но их калитка была железной.«Артём?»Тишина.«Сын. Ты меня слышишь?»На том конце ударили. Раз, второй, глухо, булькающе, так стучат изнутри, когда вода уже в лёгких.«Мам, голос был тихим, чужим, пробивающимся сквозь толщу. Я нашёл дом».«Артё-

м?» Ирина прижала трубку к ключице, и звук бил по костям. «Сын! Где ты?!»Треск. Вода. Что-то булькнуло, и не в трубке, в ней самой, в горле.«Мам... он захлебнулся, не словом, водой. Я нашёл... дом...»«Какой дом?! Артём!»«Твой...»«Я дома! Слышишь?! Я дома! Скажи, где ты!»Тишина. Только треск, только вода, только её сердце в горле, в ключице, в трубке.«Мам... голос стал тише и дальше, как будто он уже не здесь, как будто он под водой. Не открывай...»«Что?!»«Если услышишь...»«Что услышу?! Артём!»«Если услышишь... что я стучу... не открывай...»Гудки. Темнота экрана.За дверью ударили. Три раза. Ирина стояла и не дышала: сердце колотило в горле, мешая сглотнуть. Стук повторился, медленнее и тише, будто тот, кто снаружи, знал, что она слушает, и считал вместе с ней.Ирина подошла к порогу и остановилась в шаге. Рука сама легла на косяк, и пальцы нащупали седьмую ступень лестовки. Стук лёг в такт. Раз, пауза, раз. Седьмая ступень была пустой с той самой ночи. И тёплой.Ирина открыла дверь. Пустую.«Кто там?»Тишина. Только вода под полом, и теперь она звучала громче и настойчивее. Как требование.В печи осели красные угли, и комната наполнилась серым сумеречным светом. На стене, у старой медной иконы, вытянулась тень во весь потолок. Ирина смотрела, как тень подняла руку: чёрную, с длинными узловатыми пальцами, между которыми блестели перепонки. И поняла: это не её тень.Она закрыла глаза и досчитала до десяти. Когда открыла, стена была пуста, только игра углей. Но на пороге, там,

где темнела влажная полоса, лежала пуговица. Костяная, старая, с двумя дырочками. Ирина не брала её из шкатулки, она просто лежала там. Тёплая.Ирина сунула руку в карман: вторая пуговица лежала в ладони, гладкая и тёплая, как будто её только что держали, как будто кто-то долго и терпеливо грел её в кулаке и отпустил. Ирина сжала её, но пуговица не остыла. Она грела не руку. Память.Ирина вспомнила бабку, как та перебирала пуговицы в жестянке из-под чая. «Каждая пуговица это чья-то жизнь, говорила она. Пока пуговица цела, жизнь помнят. Порвётся, забудут». Ирина разжала кулак, посмотрела на ладонь: тёплая, целая. Сжала снова и сунула в карман, поглубже, к самому телу, чтобы не остыла.Телефон она оставила на столе: пусть звонит в мёртвую пустоту.Перед выходом Ирина подошла к печи и сняла чугунок. Каша парила, молоко пошло пеной и свернулось у краёв жёлтыми островами. Она взялась за лампу, чтобы погасить, и передумала: повернула фитиль вверх, и пламя стало высоким, коптящим. Бабка говорила, что дом нельзя оставлять в темноте: темнота это приглашение для тех, кто живёт в углах.Ирина накинула брезентуху, проверила завязки и открыла дверь. Дождь кончился, с ветвей падали тяжёлые капли, а земля под ногами была мягкой, чёрной, пахла грибницей и озоном. За огородом начиналась тропа. Она оглянулась на дом: в окне горела лампа, и за стеклом на миг показалась тень. Стояла там, где только что стояла Ирина, только спиной, и смотрела не наружу, а в глубину дома, туда, где стояла печь. Тень

исчезла. Лампа погасла сама, и темнота стала плотной, как мокрое сукно. Ирина смотрела в чёрное стекло, и в нём отражался лес, и больше ничего.Она закрыла дверь, не накинув крюка. Если Артём там, в лесу, он должен войти.«Прощай, сказала она деревянной двери. Или прощай навсегда».Тропа пошла под уклон, ели становились ниже и злее, скрученные севером, а между корнями блестела вода, не лужи, а плёнки, натянутые, как кожа на барабане. Первый шаг был лёгким: плёнка лопнула, вода выступила, но сапог не промок. Второй дался тяжелее, третий ещё тяжелее, потому что плёнки не просто лопались, они цеплялись: за подошвы, за штанины, за руки. Ирина подняла ногу, плёнка натянулась, не порвалась и потянулась за ней, как кожа, как жила. Она дёрнула, плёнка лопнула, а на сапоге осталась мокрая чёрная полоса, как след от верёвки.Каждая лопнувшая плёнка оставляла что-то: на сапогах, на штанах, на руках. Не воду, а что-то густое и тёмное, пахнущее тиной и тем, что было до неё, до бабки, до дома. На ладони темнела полоса, как сажа, как метка. Ирина вытерла ладонь о брезентуху, но полоса не стёрлась, она въелась, как соль, как вина.Пуговица в кармане стала тяжёлой. Не тёплой и не холодной, а тяжёлой, как камень, как свинец: она тянула карман вниз, тянула бедро, тянула ногу, и каждый шаг давался труднее, как будто Ирина шла не по тропе, а по илистому дну, где вода держит за ноги.Она остановилась, перевела дыхание и посмотрела назад. Дом стоял на пригорке, в окне горела лампа. Или не горела: свет был

тусклым и далёким, как будто дом остался в другой жизни, в другой воде. Ирина отвернулась: не потому, что боялась, а потому, что знала, если будет смотреть, не уйдёт. А уходить было нужно.Тропа пошла круче, и теперь каждая лопнувшая плёнка забирала своё: силу, тепло, память. Ирина чувствовала, как из неё уходит бабка, уходит платок, уходит запах полыни, уходит дом. Не весь, но часть, и именно та часть, что говорила: «Ты не одна». Теперь она была одна, в лесу, на плёнках, с пуговицей в кармане, с лестовкой в рюкзаке, с ножом за обух. Одна.Она шла, не считая ни шагов, ни времени. Плёнки лопались, вода выступала, что-то держало за ноги, но она шла и знала: если остановится, плёнки сомкнутся, вода возьмёт своё, и она останется здесь. Навсегда.Ирина вырвалась из скрученных корней, еловые лапы хлестнули по лицу, мокрая хвоя забилась в волосы. Вынимать её было некогда. Она сделала шаг, и нога провалилась: не в грязь, в ничто. Тело, привыкшее к сопротивлению дна, к плёнкам, тянущим жилы, к каждому шагу как борьбе, вдруг потеряло опору, и Ирина упала на колени, больно, остро, в камень. Ладони обожгло. Не холодом, открытым воздухом.Она стояла на краю. Не леса, обрыва. За ним не было ни деревьев, ни корней, ни плёнок, а была открытая даль, серая, пустая, и воздух пах иначе: не тиной, не бабкой, не домом, а солью, открытой водой, морем. Ирина сделала вдох, первый настоящий, глубокий, и воздух вошёл в лёгкие холодный и чистый, как будто она только что вынырнула: из воды, из леса, из до-

ма, из себя.Она посмотрела вниз. В низине стоял дом. Не её, чужой. Тёмный, и в окне горел свет.Кто-то ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.